

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Натальи Владимировны Зайцевой на тему: «Артикуляция привилегированной европейской культурной модели Нового времени: галантная эпоха XVII в.», представленную на соискание ученой степени доктора культурологии по научной специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства

Исследование галантной эпохи XVII века — проблема многосложная и широкомасштабная. Она могла бы быть изучена с позиций компаративного анализа двух равнозначных его этапов: барокко и рококо (как заключительной стадии барокко, во время которого европейская культурная модель во многом была смоделирована по эстетическому образцу дворца «короля-солнца» Людовика XIV. К этой теме возможен подход с точки зрения характерных тенденций галантной сути аристократического образа жизни (фетишизация ничего-не-делания) — гедонизма и сибаритства, за которыми, однако, скрывались инфантилизм и страх утери своей ролевой функции в обществе из-за приближения и наступления старости. Естественным также оказался бы и ракурс исследования культа наслаждения, основанный на облегчённом отношении к жизни и искусстве любви. Автор диссертации же избрал необычный аспект исследования темы, где ключевым оказался термин «артикуляция», который встречается во многих областях науки и искусства. Расшифровкой этого термина применительно к данной работе может служить понятие и интеграции вещей, и их разделение из чего-то целого.

Соискатель, исходя из такой двусторонней трактовки данного понятия, рассматривает и сумму явлений, которая перерастает в нечто большее — научное произведение, и их специализацию. Вследствие этого становится ясным, что диссертант избрал философский ракурс исследования в культурологической характеристике галантного облика XVII века, а для его изучения — **комплексный анализ**, в основе которого, как видится, лежит слияние философского, культурологического, филологического и искусствоведческого подходов. В данной работе он необходим для воспроизведения панорамы идей, категорий и понятий, которые явились доминирующими в XVII веке и определили особенности культуры того периода. Выявив их, автор увидел пути и ко многим явлениям будущего, таким как стилизация, стайлинг, эклектизм современного искусства. Подобный фокус исследования позволяет составить впечатление о широкой эрудиции его автора, который с помощью комплексного анализа сначала выявляет проблему галантного этоса Франции XVII. Этот, казалось бы, традиционный вектор исследования здесь верно найден и является оригинальным ключом к открытию кода галантного века. (В сущности, такое направление вполне могло бы претендовать на заглавие диссертации.) И не случайно, поскольку исходная моральная платформа в диссертации оказывается основой изучения всего исторического и социокультурного (одновременно с гендерной интеграцией) фундамента, осмысленного с позиций влиявшей в то время на умы картезианской философии (чему посвящена первая глава «Архитектоника социокультурной

реальности»), а также и эстетического (о чём повествует вторая: «Эстетические нормативы культурных ландшафтов») и, наконец, третья, показывающая реализацию предыдущих параметров в реальности («Конкретные культурные практики, регламенты и технологии») — в целом составляющих логически стройную драматургию исследования.

Отметим здесь, что сформулированные автором диссертации идеи достаточно широко представлены академическому сообществу в надлежащем пуле академических публикаций.

* * *

Штудии в столь сложной области не могли, естественно, избежать определённых просчётов.

1. Принцип обзора научной литературы

а) *Работы учёных нередко даются без сущностной характеристики их концепций и без конкретизирующих сносок на их труды.* Так, например, в предложении перечисляются четыре исследователя, которые, как оказывается, представлены пятому для фона, а чуть более корректно репрезентируется только один — Фуше де Карей, причём наконец-то, по делу: «Связь картезианства с классицистической доктриной, а также эстетикой XVII в. затрагивают в своих работах Эмиль Кранц, Гюстав Лансон, Эмиль Фагюэ, Эрнст Кассье. Фуше де Карей обращается в своих работах к той роли, которую сыграли женщины в распространении картезианства» (с. 7). А дальше опять закрытая информация о влиянии Декарта на идеологию Нового времени, которое отнюдь не раскрывается в технической справке (где и кем были прочитаны об этом «доклады М.А. Гарнцева, Т.Б. Длугач и других исследователей), принявших участие в международной конференции “Бессмертие философских идей Декарта” в 1977 году»). Аналогично и в изучении феномена прециозности, в чём пробыл, как отмечает соискатель, был восполнен Н.Т. Пахсарьян, но, одновременно, диссертант рассматривают особенности исследования другого учёного — А.В. Голубкова (с. 52) и далее других (с. 53).

б) *Принцип объединения учёных в одну произвольную группу авторов без дифференциаций научных направлений, когда все исследователи пишут обо всём.* Перечисляются темы исследований: «анализ категориального аппарата, проблемы эстетизации повседневности в галантную эпоху, феномен галантных праздников ...», а затем даётся мощная батарея фамилий академического сообщества, члены которого, едва ли не взявшись за руки, дружно разрабатывали перечисленные темы, кои «находят отражение в исследованиях [14 человек. — Г.К.] ... таких как А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков, В.Г. Ланкин, О.А. Кривцун, Ю.Б. Борев, С.С. Хорунжий. А также в научных статьях М.В. Думской, И.А. Статкевича, Т.М. Шатуновой, Ф.Р. Халина, В.М. Пивоева, Ю.А. Кирюхиной, П.А. Трусова, С.А. Дзинкевича» (дисс. с. 7–8).

в) *На конкретную фигуру учёного, конкретно говорящего о конкретной вещи, тем более надо давать сноску, иначе подобная информация воспринимается как не вполне научная:* «Показательны в этом отношении дневники и путевые заметки князя Б.И. Куракина, где он описывает поведение благородных людей, рассуждает о

кодексе чести» (с. 3). Или приводится полстраницы текста с описанием отношения к любви в литературных произведениях в первые годы царствования Людовика XIV, сделанные Ж.-М. Пелу. И ни одной постраничной ссылки на его работу (с. 47), точно так же, как и в использовании текста М. Дюфон-Метр о прециозности (с. 48) или новых идей Бернара Токана *l'honnêteté* и теории «искусства нравиться» (с. 63).

г) Вследствие описания галантной обстановки XVII века без сносок на источники возникает впечатление, что автор жил в начале 1600-х сам, будучи очевидцем зарождения галантного стиля и (надо отдать ему должное) хорошо с тех пор сохранился. Имена же тех учёных, которые так и просятся на бумагу, остались в качестве прочно забытых сподвижников: «Начало галантной эпохи *большинство исследователей* [курсив наш. — Г.К.] относит к 1620 гг. — появлению салона Рамбуйе — первого очага галантной культуры». А дальше уже идут неопровержимые конкретные факты рубежа XVI–XVII веков, которые наш современник с помощью собственных воспоминаний воспроизвести никак не может. Пара сносок, встречающихся на протяжении 9-ти страниц, положение не спасают (с. 20–28). Большой рассказ об истории Франции с редкими вкраплениями единичных сносок запечатлён на с. 70, 71–72, 73–74.

Аналогично и на с. 39: «Не случайно на протяжении последнего столетия внимание многочисленных зарубежных и отечественных исследователей было обращено к XVII в. — началу истории эстетики нового времени». Многочисленных называть, разумеется, излишне, а двух-трёх ключевых за последние 2–3 года — вполне. (Кстати, что подразумевается под последним столетием — XX или XXI век?). «Большинство исследователей» может иногда заменяться «некоторыми»: «Постулат о распространении картезианства в светской среде не является, *как полагают некоторые исследователи*, преувеличением роли теоретического мышления в обществе ...» (с. 88).

В итоге опознавательная система «свой — чужой» могла бы функционировать в тексте эффективнее.

д) *Далеко не всегда хватает своего собственного отношения* к приведённым в тексте суждениям других авторов, что особо заметно в использовании их цитат.

В целом подобный ракурс в анализе источников — в контексте снижения уровня их сопряжения — местами депроблематизирует изложение автором своих идей, затрудняя погружение в них читателя.

2. Мелкие ремарки

Формулировка **предмета** исследования, под которым имеются в виду «артикуляция и закрепление *парадигмальных установок* [курсив наш. — Г.К.] европейской аристократической культуры Нового времени в галантную эпоху» (с. 8), могла бы быть точнее, т.к. «парадигмальные установки» — понятие растяжимое, встречающееся в разных областях науки, искусства и действительности.

Имеют место текстовые повторы: «Начало Галантной эпохи большинство исследователей относит к 1620 годам — появлению салона Рамбуйе — первого очага

галантной культуры» (с. 20 и 41); «Показательны в этом отношении дневники и путевые заметки князя Б.И. Куракина, где он описывает поведение благородных людей, рассуждает о кодексе чести. Европейские представления о кодексе поведения, благородстве и чести воспринимаются как устоявшаяся система взглядов, образ жизни и в течении нескольких десятилетий утверждаются и воспринимаются русской аристократией». Учитывая, что вторая мысль (о кодексе чести) появляется в самом начале исследования (на с. 3), а потом на последней (с. 239), выходит, что «Европейские представления о кодексе поведения ... воспринимаются как устоявшаяся система взглядов», потому что «Европейские представления о кодексе поведения ... воспринимаются как устоявшаяся система взглядов».

Напечатано: «института Академии РАН “Всемирная история”» (с. 5). Здесь несколько неточностей и тавтология. Поскольку РАН расшифровывается как Российская академия наук, то Академия Академии, хоть и российской, быть не может. (По-видимому, всё же имеется в виду Институт всеобщей истории РАН.)

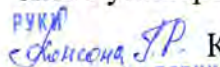
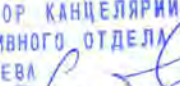
В целом, однако, высказанные суждения не заслоняют значимой панорамности предпринятого исследования, **теоретическая ценность** которого явно выходит за рамки рассматриваемого текста. В связи с этим хотелось бы просить соискателя финально в сжатом виде прояснить, что им понимается под языковым и поведенческим кодом, «при помощи которого элиты дистанцируются от не элит» (с. 31), а также какие именно компоненты эстетических нормативов культурных ландшафтов, «которые обогащают понятийную систему культурологии ... были выявлены и осмыслены с позиции современной науки? (с. 32).

Отметим здесь, что в случае содержательного ответа на данные вопросы (в особенности, на первый) именно они могли бы лечь в основу перспективизации развёрнутого исследования, в чём и была бы в ёмкой форме выражена системная его **новизна**, в этом случае словно бы «собранная» из ее параметризации на с. 28–29.

* * *

Диссертация Зайцевой Натальи Владимировны на тему: «Артикуляция привилегированной европейской культурной модели Нового времени: галантная эпоха XVII в.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Зайцева Наталья Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологических наук по научной специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета Григорий Рафаэльевич Консон, доктор искусствоведения, доктор культурологии, профессор, директор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (Национального исследовательского университета)

Подпись
ЗАВЕРЯЮ: 
АДМИНИСТРАТОР КАНЦЕЛЯРИИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ОТДЕЛА
О. А. КОРАБЛЕВА 

Консон Григорий Рафаэльевич



30 января 2023 года